

АЛЬБИНА НУРИ

МАЛЫШ ДЛЯ ТОМЫ

Альбина Нури

Малыш для Тома (сборник)

Авторский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43159660

Аннотация

Анна одна воспитывает сына. Соня посвятила себя уходу за больной матерью. Маргарита умна и талантлива, но так некрасива, что получила прозвище «Мымра». Аида чувствует, что муж стыдится ее. Даша страдает от постоянных измен любимого. Семейная жизнь Тамары оказалась сплошной ложью... Разные истории, разные судьбы – и одинаковое стремление обрести счастье.

Сборник рассказов А. Нури «Малыш для Тома» объединяет истории о непростых человеческих судьбах и людях, которые пытаются найти выход из сложных ситуаций.

Содержание

Часть 1	4
Мымра	4
Утро Савельева	18
Другой взгляд	29
Часть 2	44
Старик	44
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Альбина Нури

Малыш для Тома

Часть 1

«Замечательный день сегодня.

То ли чай пойти выпить, то ли повеситься»

(из А. П. Чехова).

Мымра

Топлёное молоко в бутылке, половинка ржаного хлеба, овсяное печение с изюмом, пакет сметаны... «И зачем столько набрала? Всё равно не съем», – запоздало думала Маргарита, стоя возле кассы и складывая продукты в пакет.

На вечер была запланирована куча дел: пересадить цветы, прибраться в квартире, погладить бельё, вымыть полы и покончить с собой. Для осуществления последнего пункта она купила сильнодействующий успокаивающий препарат, который должен легко, быстро и безболезненно переправить её на другой берег.

Как-то раз Маргарита слышала одну историю – может, даже правдивую. У некоего мужчины с самого утра не задал-

ся день: он разбил машину, узнал, что ему изменяет жена, потерял работу. Но держался. А потом пришёл домой, стал снимать рубашку и увидел, что пуговица на рукаве оторвалась. Увидел – и повесился. Злополучная пуговица стала последней каплей.

У Маргариты тоже была своя «пуговица». Вчера ей исполнилось двадцать семь, но ни одна живая душа не помнила об этом. Она не получила ни одного поздравления. Ни единого! А ведь те, кому ты важен и дорог, ни за что не забудут тебя поздравить. На худой конец, отыщутся желающие поесть и выпить по такому поводу. Однако в её случае не нашлось и таких.

Само появление Маргариты на свет было досадным и нелепым фактом. К моменту её рождения у родителей имелись четырёхлетний сын и двухлетняя дочь. Как говорится, полный комплект. Сильно выпивший на праздник и утративший контроль отец, бесшабашно выполненный в «опасный» день супружеский долг плюс нежелание матери брать грех на душу и делать аборт – вот три кита, на которых покоилось Маргаритино рождение. Оно было настолько неожиданным, что в маминых взглядах, брошенных на младшую дочь, нет-нет да проскальзывало лёгкое недоумение: что здесь делает эта девочка?!

Будь она способным, красивым, умным и жизнерадостным ребёнком, ей бы, разумеется, простили такое беспардонное вторжение в полностью укомплектованную семью.

Но нехстати появившаяся Маргарита была тем самым «уродом», без которого вполне можно обойтись. Даже имя – прекрасное, звучное, гордое – применительно к ней превращалось в набор мыркающих и гыркающих слогов. Для дворовых ребятишек и одноклассников оно быстро выродилось в Мымру.

В кого она такая? Непонятно. Родители – люди выдающиеся. Отец – высоченный красавец-мужчина, брюнет и атлет, наделённый кипучей энергией и жизненной силой. В их небольшом городке он без особых усилий мог любого перепить, переесть, переорать, перебить, переплюнуть. Однажды в январе, будучи сильно «в изумлении», папа выпал с балкона пятого этажа, куда вышел покурить. Свалился в глубокий сугроб под окнами, пришёл в себя, отряхнулся и поднялся обратно в квартиру. Когда мать увидела его на пороге, в одних трусах, босого, мокрого и злого, то едва не упала в обморок. Но валяться без сознания было некогда, потому что глава семьи грозно потребовал стакан водки и закусить. Всё же не каждый день с балкона летаешь – нервы тоже не железные. Получив требуемое, папа отправился спать. А утром был как огурчик.

Мама Маргариты отличалась умом и разнообразными талантами. Вся квартира была увешена её вышивками, на которых она, с каждым разом совершенствуясь, изображала игривых котят и сельские пейзажи. Помимо этого, мама пела, умела переводить через кальку и разукрашивать картины

(многие считали, что получается лучше, чем в оригинале) и рассказывала детям на ночь сказки собственного сочинения. Главной героиней выступала послушная и скромная девочка Леся, которая попеременно повторяла нелёгкую судьбу то Красной Шапочки, то Золушки, то Белоснежки. Как и в случае с калёй, зачастую первоисточник проигрывал маминому изложению.

К тому же мама занималась растениеводством: выращивала на подоконнике фиалки, герани и аспарагусы. Как-то в руки ей попала книга «Цитрусовый сад в квартире», и она загорелась идеей лимонной плантации. Но, как ни билась, ничего не выходило: вместо южного красавца из земли торчало нечто болезненное, чахлое, хилое.

– Идиотская книжонка! – вынесла вердикт мама, зашвырнула трактат на полку, а горшок с полумёртвым отростком – на балкон.

Маргарите стало жалко недорожденного лимона. Она потихоньку от мамы проштудировала брошюру и принялась выхаживать убогое растение. Приблизительно через полгода на её подоконнике зацвело раскидистое деревце. А ещё через некоторое время на ветках появились три крупных плода.

Мама немедленно перетащила лимон в гостиную, и на дне её рождения гости дружно восхищались удивительным достижением, приговаривая, что талантливый человек талантлив во всём.

Старшие дети удались под стать родителям. Миша – силь-

ный и спортивный, Марина – красивая и одарённая. И только Маргарита... Взять хотя бы внешность. Это же одно сплошное «но»! Рост высокий, но долговязая, сутулая и неуклюжая. Ноги длинные, но Х-образные, с толстыми лодыжками. Фигура вроде бы ничего, талия какая-никакая имеется, живот не торчит, но ни груди, ни попы – унылое плоское пространство.

А уж лицо просто некрасивое, безо всяких «но». Круглый лоб и круглые глаза почти без ресниц и бровей. Рот – не губы, а именно рот, функциональное приспособление для поглощения еды, пищеприёмник – узкий, щелеобразный, неприметный. И над всем этим великолепием нависает нос. Огромный, как у птицы-тукана. Но у той хоть оперение яркое...

Тихая, замкнутая, необщительная Маргарита не умела заводиться друзьями. К тому же была на редкость молчалива: в детстве сильно заикалась, а потом, видимо, просто отвыкла разговаривать. Поэтому в школе все устные предметы давались ей из рук вон плохо. В голове мысли были чёткими и стройными, а при попытке высказать их получалась полная каша. Но известно же, кто ясно мыслит, тот ясно излагает! Маргарита не могла ничего изложить, а разбираться, почему так происходит, учителям было недосуг. Что касается точных наук, то тут девочка делала определённые успехи, но они почему-то оставались незамеченными.

Втайне ото всех Маргарита сочиняла стихи и записывала

их в толстую коричневую тетрадку. Когда тетрадка почти заполнилась, сестра Марина нашла стихи, перепечатала самые лучшие, на её взгляд, и послала в местную молодёжную газету, поставив свою подпись.

Стихи приняли и напечатали. «Маринино» дарование стало достоянием общественности. Учительница по литературе сразу поставила ей пятерку за год. Директор школы вручила родителям грамоту за успехи в воспитании. Мама прослезилась и сказала, что это у Мариночки от неё.

Маргарита доказать своё авторство не смогла, потому что коричневую тетрадку сестра предусмотрительно порвала и выбросила. А на слово Мымре никто бы не поверил – и пытаться нечего. Больше стихов она не писала.

С той же Мариной был связан и ещё один случай. Старшая сестра училась в художественной школе. Ей там «ставили руку», как говорила мама, и развивали безусловный, опять-таки доставшийся по наследству талант. Однако, несмотря на исключительные врожденные способности, училась Марина средне. До определённого момента. Мама всё ждала, что «девочка раскроется». Она и раскрылась.

Однажды Марина оставила на столе карандашный набросок, который ей велели поправить. Маргарита долго смотрела на сестрино художество, а потом взялась за карандаш. Марине не слишком хотелось возиться самой, поэтому она взяла переделанный набросок и отнесла в школу.

На следующий день учитель вызвал маму в школу и стро-

го попенял, что родителям запрещено помогать ученикам. Мама абсолютно искренне заверила педагога, что и пальцем не трогала дочерины рисунки. Тогда учитель заявил, что у девочки дар, который нужно развивать. Просто, видимо, в школе ей сложно сосредоточиться.

В результате Марину дома окончательно признали гением и купили новое платье. Никто и подумать не мог, что руку к рисунку приложила бестолковая Мымра. Марина с тех пор регулярно просила сестрёнку довести свои творения до ума, и репутация её крепла. Почему Маргарита помогала ей, она и сама толком не понимала. Но в итоге «художку» сёстры закончили практически вдвоем.

После школы спортивный Миша продолжил баскетбольную карьеру. Сейчас он жил в Казани и работал тренером. Звезды большого спорта из него не вышло. Как говорил папа, вокруг слишком много завистников. Зато теперь, всячески подчеркивала мама, он все свои силы и способности отдает на обучение детей. А это так благородно!

Красивая и талантливая Марина была отчислена уже со второго курса столичной художественной академии. Ей тоже помешали завистники. Однако красота осталась при ней, и вскоре Марина вышла замуж за испанца по имени Федерико и уехала к мужу.

Как раз сейчас родители и брат гостили у них в Испании. Перед отъездом мама позвонила и сказала Маргарите, что в день рождения они не смогут её поздравить, это слишком

дорого. Маргарита хотела заметить, что поговорить вполне можно и по скайпу, а это вообще бесплатно, но, по обыкновению, промолчала.

После школы она тоже собиралась пойти в вуз. Ей очень хотелось стать дизайнером одежды. Но мама и папа посмотрели на младшую дочь с таким искренним весёлым удивлением, что Маргарита передумала и пошла в швейное училище. А после устроилась на чулочно-носочную фабрику, которая была в их городке. Здесь она работала и по сей день. Однако начав самостоятельно зарабатывать и съехав от родителей в съёмную квартиру, поступила-таки в институт, на заочное отделение факультета лёгкой промышленности. И как раз три месяца назад получила диплом о высшем образовании с тройками по большинству предметов.

На выпускном вечере новоявленные модельеры традиционно презентовали публике туалеты собственноручного изготовления. Маргарита по своим эскизам скроила и сшила вечернее платье, брючный костюм и юбку с жакетом. Причём пользовалась не обычными тканями: пару лет назад она увлеклась батиком – росписью красками по шёлку.

В Маргаритиных нарядах должна была дефилировать молодая преподавательница Евгения Васильевна Сорокина: на её идеальную фигуру всё и шилось. Эскизы и модели Маргарита оставила на кафедре, а когда зашла туда за несколько дней до выпускного, выяснилось, что их нет.

Секрет загадочного исчезновения раскрыла лаборантка

Наташа: она случайно видела, как Сорокина забирала модели.

– Зачем они ей? – удивилась Маргарита.

– Слушай, ты прямо блаженная какая-то! – с брезгливым недоумением протянула востроносовая лаборантка. – В Московской Студии Моды конкурс молодых модельеров проходит. Кто выиграет, того возьмут на работу. В саму Москву!

Наташа мечтательно воззрилась на потолок, не забывая, однако, цепко наблюдать за реакцией обворованной Мымры.

– Что же она свои не взяла? – озадаченно спросила та.

– Правда не понимаешь или прикидываешься? – хохотнула лаборантка. – Да в том, что Сорокина нарисует, мусор выносить не пойдёшь!

– Но это же, – запнулась Маргарита, подбирая слова, – подлю.

– Ну, так-то да! – весело согласилась Наташа. На Маргариту она смотрела как на забавного зверька. – Но с другой стороны, ты бы их туда повезла? Нет. А Евгеша не захотела упускать шанс.

В её словах, конечно, был резон. Маргарита не знала, что ещё сказать, и повернулась, чтобы уйти.

– Эй, погоди! – окликнула её лаборантка. – Ты что же, так всё и оставишь? И жаловаться не будешь? Декану там, или ректору?

Маргарита хотела объяснить ей, что доказывать своё авторство в её случае – дело трудное и заведомо провальное.

Сорокина наверняка как-то подстраховалась, к тому же она ассистент кафедры, молодой перспективный преподаватель, пишет диссертацию, на хорошем счету в институте. Кому поверят – ей, умнице и красавице, или заочнице-троечнице с невразумительной внешностью, которая двух слов не связывает? Ещё Маргарита могла бы добавить: чтобы добиться победы, видимо, мало быть правым. Нужно ещё отрастить когти, зубы, броню и хвост с шипами для убедительного доказывания своей правоты.

Вместо всего этого Маргарита коротко ответила:

– Нет. Не буду. – И вышла, забыв попрощаться.

Лаборантка Наташа пару секунд смотрела ей вслед, покрутила пальцем у виска, сказала:

– Лохов не сеют и не пашут, они сами родятся. Такую грех не развести! – и снова уткнулась в свои бумажки.

... Маргарита закончила свои дела только ближе к половине десятого. Она не тянула время, вопрос был давно решённый. Просто пришлось прерваться на полчаса: в двадцать часов начинался сериал «Медики». Маргарита его обожала, не пропускала ни одной серии. Если ей и жалко было с чем-то расставаться, так это с «Медиками».

Приняв ванну, Маргарита села на диван, крепко сжимая в руках белый пластиковый пузырьёк с лекарством. На столике перед ней стоял стакан с водой. Пора начинать. Маргарита сделала глубокий вдох и решительно отвернула крышку.

И в этот момент зазвонил телефон.

«Помереть спокойно не дадут», – не без иронии подумала она. Брать или нет? Номер незнакомый. Скорее всего, кто-то просто ошибся. Пока раздумывала, телефон замолчал. Тишина показалась ей резкой и пронзительной. Маргарита перевела дух и вновь взялась за крышку.

Телефон зазвонил снова. На этот раз она решила ответить. Мало ли, что нужно звонящему? Ни к чему оставлять незавершённые дела.

– Да? – неуверенно произнесла она.

– Маргарита? Это ты? – отозвался женский голос. Интонации странные: одновременно заискивающие, виноватые, и вызывающие, требовательные. Как будто человек ещё не определился, как себя вести.

– Я.

– Не узнала? Это Евгения Сорокина. В смысле, Евгения Васильевна. Вспомнила?

– Вспомнила, – ответила Маргарита.

– Я тебя не отвлекаю? – Сорокина, видимо, никак не могла начать разговор.

– Немного, – усмехнулась Маргарита, продолжая вертеть в руках пузырёк с капсулами.

– Я ненадолго, – засуетилась Евгения, – мне просто нужно... Ну... я взяла твои модели на конкурс. В Москву. Оттуда и звоню. Из Москвы.

Выговорив это, она замолчала, ожидая реакции.

– Знаю. Мне сказали, – спокойно сказала Маргарита.

– Сказали? Кто? Наверное,... да, ладно, неважно, – прервала собственные умозаключения Сорокина, – то есть ты всё знаешь. Тем лучше.

– Для кого?

– Маргариточка, ты такие странные вопросы задаёшь, – нервно хохотнула Евгения. – Я просто хотела сказать, что... Короче, твои модели заняли первое место, – выпалила она.

– Первое... место? – запинаясь, переспросила потрясённая Маргарита.

– Да! Видишь, как всё здорово? Прямо не верится! – воскликнула Сорокина. – Послушай, возможно, я поступила не очень хорошо, но...

– «Возможно»?! Вы даже не сомневайтесь!

– Хорошо, хорошо, – примирительно заговорила Сорокина, – это был плохой поступок. Я должна была предупредить тебя.

– Вы вообще не должны были их брать!

– Ты права, но что сделано, то сделано.

– Зачем вы звоните? Чтобы я вас поздравила?

– Послушай, давай поговорим, как взрослые люди. У меня к тебе предложение, – Сорокина говорила торопливо, видимо, боялась, что её прервут. – Мне как победителю ... в общем, они предложили мне не просто работать у них в Студии, а выпустить линию одежды. Им понравились дизайнерские решения. И ткани.

– От меня-то вам что нужно? – тихо спросила Маргарита.

Приободренная тем, что разговор вырубил в деловое русло, Сорокина откашлялась и заявила:

– Твои эскизы. Всё, что есть! Насчет тканей я что-нибудь придумаю. Пока главное – сами модели.

– А потом как? Нужно же будет постоянно делать что-то новое?

– Про потом подумаю потом, – беспечно отмахнулась Евгения. – Так ты поможешь? Разумеется, я заплачу. Остаешься довольна, обещаю! Тебе же нужны деньги?

Маргарита молчала. Сорокина расценила её молчание как согласие. Она заговорила увереннее, в голосе зазвучали солидные хозяйские нотки:

– В Москве тебе появляться незачем, приеду сама и всё заберу. О цене договоримся на месте. Могу приехать уже завтра, ближе к вечеру. Позвоню, скажешь, куда подойти.

Маргарита по-прежнему не говорила ни слова. Сорокина забеспокоилась:

– Так мы договорились? Мне стоит возвращаться за эскизами?

– Стоит. Возвращайтесь, – нарушила наконец молчание Маргарита. И отключила телефон.

Минут пятнадцать сидела, глядя в одну точку на вытертом облезлом паласе. Потом залпом выпила стоящий перед ней стакан воды, тряхнула головой и громко сказала:

– Всё, Мымра! Пора. Зажилась.

Пузырёк с капсулами всё так же был зажат в правой руке.

Она встала и прошла в туалет. Открыла крышку, высыпала белые пульки в унитаз и спустила воду.

Потом сделала ещё три важные вещи.

Во-первых, позвонила квартирной хозяйке и предупредила, что завтра съезжает. Хозяйка была хорошая пожилая женщина, тоже одинокая. Маргарита решила оставить ей свои цветы – в подарок. А себе она новые вырастит.

Во-вторых, уложила в потрёпанную синюю сумку немногочисленные пожитки и, самое главное, альбомы и тетради с эскизами и образцами тканей.

А в-третьих, узнала расписание поездов до Москвы и заказала билет на завтрашний вечер. Теперь до отъезда ей оставалось только сходить утром на фабрику и уволиться.

Можно было, конечно, просто взять отпуск. И квартиру оставить за собой – на всякий случай. Но Маргарита специально решила сжечь все мосты. Для человека, который ушёл из этой жизни, должна оставаться только одна дорога – в жизнь другую. Чтоб уж как в старом анекдоте: умерла, так умерла.

Утро Савельева

В будние дни утро Савельева начиналось с журчания электронного будильника, поставленного на шесть тридцать. Жена просыпалась моментально, распахивала глаза, как заводная кукла, и пару мгновений смотрела прямо перед собой, сосредотачиваясь. После этого вскакивала и устремлялась в новый день, больше уже ни на секунду не замедляя темпа. Делала гимнастику, спешила в душ и через полчаса выходила оттуда причёсанная, со свежим макияжем. Подходила к кровати, на которой Савельев делал вид, что спит, и говорила:

– Вставать пора.

Он громко, со стоном зевал, хотя сна давно ни в одном глазу, и садился в кровати, стараясь одновременно попасть руками в рукава халата, а ногами в тапочки. Кровать скрипела, Савельев хрустел суставами. Потом вставал, раздвигал шторы, впускал в спальню утренний свет, и брел умываться.

В ванной было влажно и пахло Юлиными кремами и лосьонами. Савельев захлопывал за собой раздвижную дверь, и каждый раз ловил себя на мысли, что ему не хочется выбираться наружу из этой теплой ароматной берлоги.

Когда он, наконец, попадал на кухню, его уже ждал завтрак. Всегда один и тот же набор: кофе со сливками, бутерброд с сыром и овсяная каша. Аппетита не было, но Саве-

льев послушно жевал и прихлёбывал.

Жена к тому моменту обычно одевалась в прихожей, чтобы выйти из дому без двадцати восемь и прибыть на работу к половине девятого. Она никогда никуда не опаздывала, потому что пунктуальность, по её мнению, – главный критерий, отличающий приличного человека от неблагополучного. Помимо этого, приличные люди не повышают голоса, не берут в долг и не выпивают больше двух бокалов вина за вечер.

Иногда Савельеву страшно хотелось заорать, напиться в мясо и взять в кредит миллион. А ещё – спросить, стал ли её утренний поминутно расписанный ритуал результатом долгих тренировок с секундомером в руке? или она родилась такой – раз и навсегда знающей, чего хочет, что правильно, а что глупо и нерационально?

– Савельев, я ушла! – сообщала жена и исчезала за дверью.

Она ни разу не дождалась ответной реплики, и он всякий раз недоумевал: зачем тогда вообще произносить эту фразу? Возможно, она предполагала, что может не вернуться, и предупреждала на этот случай?

Когда Юля уходила, Савельев испытывал облегчение. Время, когда его по этому поводу мучили угрызения совести, давно прошло. Те несколько минут, которые он проводил утром в одиночестве, помогали перетерпеть весь оставшийся день. Так что это был вопрос выживания.

Сегодняшнее утро ничем не отличалось от предыдущих. Савельев прихватил чашку с недопитым кофе и направился в гостиную, собираясь устроиться в любимом кресле возле окна. В этот момент откуда-то сбоку прозвучало:

– Жалко мне тебя.

Савельев замер в нелепой позе, стоя на полусогнутых и отключив зад. Перевёл дыхание, повернулся и увидел забавного старикана размером с чашку, похожего на персонажа русских народных сказок. Дедок сидел на книжной полке и смотрел на Савельева круглыми насмешливыми глазками.

– Чего над креслом-то навис? Садись, не стесняйся, – разрешил он.

– Господи, – проговорил Савельев. Но сел, даже кофе не расплескал.

«Мне нужно к врачу, – подумал он. – Вероятно, что-то с мозгом».

– Ты сам врач, – напомнил гость. – Хотя и недоделанный.

– Кто вы такой? – спросил Савельев. – Откуда?

– Домовой, кто ж ещё. Из старого дома на Плодовой сюда переехал. В коробке из-под шляпы.

– Домовых не бывает.

– Ой, я тебя умоляю! – Дед поёрзал и посучил ногами. – Ладно, мне тут особо некогда... Я чего показался-то. Смотрел-смотрел – не выдержал. Жалко, говорю, тебя: день-то сегодня – критический!

Савельев хмыкнул и хотел сказать, что такие, если верить

телерекламе, бывают только у женщин, но дедок его опередил.

– Тьфу, дурак! Знаю я, чего ты лыбишься! Тебе про жизнь говорят, а не про прокладки срамные.

Ситуация была абсурдной, но Савельев незаметно для себя перестал замечать это и втянулся в разговор.

– И что с ней такое – с моей жизнью?

– Здоровый мужик, жена – здоровая баба, а детей нету! Почему?

– Просто мы не готовы...

– Могли бы и подготовиться за пятнадцать-то лет! – съязвил старик. – Себе хоть не ври: не твоя она по правде жена. Потому и семя у тебя пустое.

«Что ты мелешь! Не моя! А чья, интересно?» – собрался возмутиться Савельев, но не стал. Убеждать плод больного воображения, что у него счастливый брак, было просто смешно.

Старик качнул соломенной шляпой и покатил дальше:

– То-то. Думаешь, больно ты жёнке своей нужен? Она уж скоро год как хахаля завела! Знаешь, кем тебя считает? Макарониной разваренной! – Дед хихикнул, но тут же скроил серьёзную мину и выставил перед собой крошечные ладошки. – Успокойся, не в этом смысле, а в том, что ты скучный. Квёлый. Куража в тебе нету. А для Лиды...

Затрещал сотовый, и Савельев метнулся в прихожую, радуясь возможности прервать разговор. Звонили из универ-

ситета.

– Сергей Палыч? Вас уже пятнадцать минут студенты ждут! – прогудела методист Вера Максимовна, которую за глаза называли Трубой. – Когда появитесь?

– Который час? – растерялся Савельев. Он был уверен, что нет и восьми.

– Почти девять. Да что с вами такое? Вам плохо? – взволновалась Труба. У Савельева было слабое сердце, и в университете об этом знали.

– Я... да, неважно себя чувствую. Решил прилечь и заснул.

Савельев бормотал извинения, Вера Максимовна, смеившаяся гнев на милость, уговаривала его отлежаться. После двухминутного пинг-понга решили, что он придёт ко второй паре.

Когда вернулся в комнату, старика уже не было. Или, скорее, быть не могло. «Видимо, я и вправду задремал», – подумал Савельев. Он виртуозно владел умением находить удобные объяснения самым труднообъяснимым вещам. Помотал головой, как собака, выбравшаяся из воды, сунул чашку в раковину, оделся и вышел из квартиры.

Занятия обычно заканчивались около трёх, но он не спешил домой: листал журналы, водил ручкой по бумаге, сплетничал с коллегами, именуя всё это «подготовкой на завтра». На самом деле Савельев давно ни к чему не готовился. Тексты лекций и планы семинаров были написаны им много лет

назад и почти не претерпевали изменений. Можно было посидеть в библиотеке, разнообразить материал, обновить методику, но – зачем? Студентам всё равно, что забывать. У них полно дел куда увлекательнее истории медицины.

Повторять одно и то же год за годом было невыносимо, но поиск новых сведений стал бы не менее унылым занятием. Трудно признавать такое в сорок с лишним, но он понимал, что выбрал не ту профессию. Поначалу осознание этого факта пугало, потом сделалось привычным.

Медицина его никогда не интересовала: он боялся крови, был брезглив и ненавидел биологию. Однако родители были врачами, и он безропотно поплёлся вслед за ними, окончил университет, защитил кандидатскую. Медициной занимался, но врачом так и не стал: ушёл, как всем с гордостью говорила мать, в науку.

Ушёл и заблудился, так и не найдя в ней своего пути.

Сегодня Савельеву было не просто скучно – мучительно находиться в университете. Стены надвигались на него, сжимали и выдавливали наружу, как пасту из тюбика. Он кое-как провёл семинар и прочёл две лекции, не понимая смысла собственных слов, не делая замечаний болтунам, не обращая внимания на студентов, уткнувшихся в экраны новомодных телефонов.

Дома он залпом выпил два стакана воды и позвонил матери. С тех пор, как умер отец, он говорил с нею каждый день: дежурно справлялся о здоровье, выслушивал подробный от-

чёт о настроении, бессоннице, дурных снах и неуместных замечаниях заклЯтой подруги Нонны Борисовны. Прижимая трубку к уху, слушал и не слышал. Мамин голос, с годами истончившийся, как и вся её фигура, шея, волосы, произносил слова, которые казались Савельеву иностранными.

– Мам, – тихо позвал он, – мне кажется, со мной что-то происходит. Всё как-то... неправильно.

Мать замолчала. Подумала минутку и строго произнесла:

– Сергей, в чём дело? Ты нездоров?

– Совершенно здоров, мама, я говорю о другом! Понимаешь, вспомнил Лиду и...

– Не понимаю и понимать не хочу! – отрубила мать. – У тебя типичный возрастной кризис. Такое бывает у всех мужчин. Надеюсь, ты не связался с какой-нибудь молоденькой свистушкой?

– Конечно, нет, – поморщился Савельев.

Чёрт его дёрнул за язык: зачем было начинать этот разговор?

– Вот и хорошо. У тебя чудесная жена. Дом – полная чаша!

– И чем же она наполнена, эта чаша?.. Извини, у меня соевый. Позже перезвоню, – сказал он и повесил трубку, не дожидаясь, что она ответит.

Лида – вот с кем ему хотелось поговорить, кого необходимо было увидеть. Но невозможно.

Савельев пошёл в спальню и лёг на кровать.

Он познакомился с Лидой, когда ему было двадцать

шесть, и все вокруг считали его подающим надежды. То, что он их обманул, выяснится ещё не скоро.

Она приехала из глубинки, не поступила и устроилась лаборанткой на кафедру.

– Дешёвое кино! – кривилась мама. – Взгляни на неё. Простушка, провинциалка. Такой брак хорош в книгах, а в жизни смешон. Вскоре ты поймёшь, как ошибся. Тебе будет скучно с ней, ты станешь тяготиться её привычками, раздражаться, но будет поздно! И потом, ты уверен, что она любит именно тебя, а не твою прописку и возможности?

Савельев возмущался, хлопал дверями, а сам потихоньку начинал сомневаться. Вдруг мать права, и Лида просто хочет выгодно выйти замуж?

На пятидесятилетие отца, куда Савельев пришёл с Лидой, мама пригласила свою приятельницу и её дочь Юнону.

Юнона Ильинична Шварцман – так на самом деле звали будущую жену Савельева. Выйдя за него замуж, она сменила не только фамилию, но и имя. Отчество, правда, оставила.

Мать хотела дать сыну возможность сравнить – и трюк удался. Молчаливая, не слишком хорошо одетая Лида потерялась и поблекла на фоне соперницы.

Сейчас, спустя много лет, Юля казалась ему похожей на блестящую ёлочную игрушку, красота которой греет сердце только раз в году. А после – кому захочется доставать её из картонной коробки. Но в тот вечер Савельев был ослеплен и очарован.

Лида ушла из его дома и из его жизни тихо, никем не замеченная. Уволилась и исчезла. Он не бросился её догонять, не искал встречи. Новый роман захватил, закружил его и вскоре вышвырнул на берег супружеской жизни – растерянного, очумевшего, но, впрочем, уже сознававшего, какого дурака сваял.

Четыре года назад Савельев встретил свою первую любовь на конференции в Смоленске. Только она была уже не просто Лида, а Лидия Семёновна Гладилова, известный невролог, замужняя дама и мать двоих детей – об этом Савельев узнал позже, вечером, когда они отправились в ресторан. Лида давно простила его, а он сидел и каждой клеткой ощущал своё ничтожество. Пил больше обычного, рассказывал пошлые анекдоты, над которыми сам же и хохотал, то и дело принимался вспоминать вызывающие неловкость подробности их свиданий, а закончил тем, что попытался поцеловать её прямо за столиком. Лида молча стряхнула его руки, встала и ушла.

В комнате быстро темнело. Савельев лежал и думал, что Лида была единственной, кого он по-настоящему любил. («Интересно, почему о самых искренних чувствах мы обычно говорим так пафосно и безвкусно?») Но при этом никого и никогда не обижал сильнее, чем её.

Юля вернулась домой в седьмом часу. Заглянула в комнату, осведомилась, почему он в постели и готовить ли на него ужин. Вместо ответа он спросил:

– У тебя что, любовник есть?

Хотя прежде следовало бы спросить себя: «Меня это хоть немного задевает?» Ответ оказался бы отрицательным.

Сам он постоянно изменял жене. Интрижки были мимолётными и безликими, ничего не стоящими и не оставляющими шрамов на сердце. Любовницы Савельева были похожи друг на друга и на Юлю: ухоженные, прагматичные, остроумные, знающие цену и себе, и Савельеву, и их отношениям.

– С чего ты взял? – Слова прозвучали вяло, будто Юле было лень оправдываться.

– Ни с чего. Забудь, – он повернулся на другой бок.

Ему тоже было лень выводить жену на чистую воду, устраивать сцену, да и вообще говорить.

Юля недолго постояла на пороге, вышла и закрыла за собой дверь. Спустя некоторое время до него донеслись звуки заставки популярного ток-шоу, которое жена смотрела каждый вечер, не пропуская ни одного выпуска. Савельев представил, как герои сейчас начнут трясти на публике исподним, ведущий – натужно им сочувствовать, а зрители в студии и эксперты – выпрыгивать из кожи, лишь бы подольше задержаться на экране, и ему стало совсем тошно.

Он накрыл голову подушкой, чтобы ничего не слышать. Вскоре заснул, и ему приснилась Лида. На ладони у неё сидел домовый и болтал ножками, обутыми в лапти.

Следующее утро для Савельева не наступило.

В день похорон вдова, наряженная в элегантное тёмное платье, аккуратно промокала в меру покрасневшие глаза платочком, прижимала к груди руки и печально произносила на выдохе, что Бог всегда забирает самых лучших.

Другой взгляд

Посреди прихожей торчал чемодан. Огромный, тёмно-красный, с блестящими металлическими замками, толстыми ремнями и массивной ручкой. Едва шагнув за порог, Фанис наткнулся на него взглядом и недоуменно хрюкнул: что ещё за чёрт?! Давным-давно Аида, неизвестно для какой надобности, купила кожаного монстра на распродаже. Вроде бы разумная, практичная женщина, а иной раз такое учудит – тушите свет.

Взять хотя бы этот чемодан. Бесплезная трата денег! Всё равно они никогда никуда не ездили, разве что в деревню Урмановку, где доживала свой раздражающе долгий век тётка Фаниса по отцовской линии. Отец умер много лет назад, Мадина-апа приходилась ему двоюродной сестрой. Мать настаивала на обязательных поездках в Урмановку, называя их «контролем ситуации». Других родственников у тётки нет, а дом крепкий и сама Урмановка – недалеко от города. Есть, в общем, что контролировать.

Заезжая проводить тёткино имущество, чемодан, разумеется, не брали. Так и скучал ненужный сундук на антресолях: Аида хранила в нём какие-то тряпки.

– Адик! – зычно позвал Фанис, разуваясь и пристраивая на вешалку бейсболку. Достал с полки домашние тапочки, оглядел себя в большом зеркале. Отразившийся там круг-

лолицый бровастый мужчина с короткой стрижкой-площадкой был приземист и пузат. Клетчатые шорты до колен и ярко-жёлтая футболка смотрелись на коренастой квадратной фигуре комично, но Фаниса это не беспокоило. Что ещё прикажете носить в такую жару?

– Чего чемодан-то вытащила?

Молчание. Из глубины квартиры доносилось легкое гудение душевой кабины, слышался характерный шелест: вода с тихим «п-шшш-сссс» лилась из широкой круглой насадки на акриловый поддон. «Помыться решила, – сообразил Фёдор. – Чего вдруг среди бела дня?»

Он заглянул в комнату, потом двинулся на кухню. Всё как обычно: почти стерильная чистота, каждая вещь строго на своём месте. Сразу видно, что жена работает старшей медсестрой в хирургии. Страсть к чистоте – это Аидина профессиональная болезнь, говаривал Фанис.

Сегодня у неё выходной, наверняка что-то вкусненькое сварганила. Готовит она – ум отъешь! Фанис причмокнул, предвкушая удовольствие. Направился к плите и заглянул в большую зеленую кастрюлю с прозрачной крышкой. Пусто. На всякий случай открыл духовку – тоже ничего. Да и не пахнет едой.

Вода перестала шуметь и через пару минут Аида вышла из ванной. На ней был светлый легкий сарафан с пышной юбкой ниже колен – такие романтические, подчеркнуто женственные фасоны особенно шли жене. Она звонко щёлкнула

выключателем, обернулась и увидела Фаниса. Сильно припадая на правую ногу, проковыляла на кухню и вымолвила:
– Привет.

«Чего чемодан-то выволокла? И пожрать ничего нету!» – собрался сказать он, но отчего-то промолчал. Было в её облике что-то незнакомое. Чужое. Как себя вести с этой новой женщиной, Фанис пока не знал.

Вроде всё та же: густые, слегка выющиеся, тёмные волосы, забранные на затылке в пышный «хвост». Открытый чистый лоб. Глазищи – карие, серьёзные, огромные, как чайные блюдца. Лицо тонкое, каждая чёрточка будто нарисована тушью на листе белоснежной бумаги. Красивая женщина: кто на фотографии видел, в один голос восхищались. А встречаясь вживую, отводили взгляд. Жалели – кто её, а кто Фаниса.

Красота-то с горчинкой, подпорченная. Пока жена стоит или сидит – ничего не заметно. Со вкусом подобранная одежда обнимает точеную фигурку – засмотришься. А как сделает шаг... Аида – инвалид, с рождения хромает. Походка раскоряченная, неуклюжая, с вывертом. Жалко и стыдно наблюдать, как она переставляет ноги.

Но Фанис ничего, привык. Да, дефект, конечно, имеется. Зато хозяйка отменная. И характер хороший: покладистый, спокойный. Вот и мать в последнее время стала всё чаще говорить: ничего, мол, можно с Аидкой жить. В каком-то смысле, даже и хорошо, что хромая: меньше гонору! Иная баба ведь как? Ты ей слово – она в ответ десять! Язык до костей

сотрешь, пока переспоришь. А эта ничего, молчит, не перечит.

Жена присела на табуретку возле двери. От неё, как обычно, пахло чем-то нежным: не то сирень, не то пионы. Фанис знал, это любимые Аидины духи, но как они называются, никогда не интересовался.

Аида сидела, не говорила больше ни слова, только глядела на мужа. Фанис почувствовал, что ещё больше вспотел, по спине побежали противные струйки. Балконная дверь и все окна в квартире были нараспашку, но липкая жара приклеивалась к телу, заставляла поры сочиться влагой.

– Адик, ты чего? Чемодан зачем? Что случилось? – охрипшим голосом выговорил он.

Спросить было нужно, но слышать ответа не хотелось. Наверное, он уже всё знал, хотя и не понял пока, что знает.

– В чемодане мои вещи. Я ухожу от тебя, Фанис, – негромко произнесла Аида, по-прежнему не отводя от него задумчивого, отрешённого взгляда.

– Что случилось? – автоматически переспросил он. Внутри всё как-то остановилось. Щёлк – и выключилось.

Она молчала – уже сказала, что должна была.

– То есть как? Куда? Зачем? – очнувшись, закудахтал Фанис, сбиваясь, не понимая, как могло случиться, что они вдруг заговорили об этом.

Аида отвела глаза, едва слышно вздохнула и проговорила, снова ясно и прямо глянув на мужа:

– У меня... появился в жизни человек. И я ухожу к нему. Прости.

– Как же так? – Оцепенение, непонимание и изумление сменились тяжкой, душевной обидой. – Вот так у тебя всё просто, да? И ты своему мужу свободно заявляешь про своего любовника?! «Человек» у неё, видите ли! А я что, не человек? Да ты...

– Перестань, пожалуйста. Не кричи! – остановила его она. Фанис растерянно замолчал. Он видел: по какой-то причине жена ни капельки не чувствует себя виноватой за измену, за свою неслыханную подлость.

– Прежде чем начнёшь меня обзывать, выслушай. Нет никакого любовника. Можешь не беспокоиться: никто в тебя пальцем не тычет, рогоносцем за глаза не зовёт. Я тебе за все годы ни разу не изменила. Хотя про твои шашни с Таней Маловой знала.

Фанис от неожиданности разинул рот. Лицо жарко запылало, словно на него плеснули что-то горячее. Он был уверен, что Аида ни сном, ни духом – и оттого укол оказался в сто раз чувствительнее. Два года назад у него приключился служебный роман. Так, забава. Таточка (её все так звали) тоже воспринимала их необременительную связь как приятное разнообразие. Характер такой – лёгкий. Встречались несколько месяцев, потом спокойно разошлись. Теперь в коридорах пересекались, здоровались, как ни в чём не бывало. Фанис знал, что после него в Таточкиной постели ещё глав-

ный инженер побывал, а теперь она с начальником финансового отдела встречается. Подвижная девушка.

– Адик, я... – начал было Фанис, но она усталым жестом прервала его попытки объясниться:

– Оставь. Не нужно этого.

– Нужно! – неожиданно заупрямился он. – Нужно!

Фанис нервничал и не мог заставить себя не дёргаться. Как смеет она так держаться?! Как даются ей эти плавные жесты, этот невозмутимый, чистый взгляд? Она, она должна сейчас психовать, плакать, смотреть пристыжено, низко склонять голову! Отчего же сидит королевой? Смотрит, как на глупую назойливую муху? Фанис заметался по кухне, снова подскочил к плите, зачем-то глянул вглубь пустой кастрюли, со звоном швырнул крышку на место, скрестил руки на груди, уселся напротив жены. Внезапно он понял, кого она ему напоминает.

У соседа, Вальки Ломакина, на стене висит картина – огромная, в нарядной раме. Ездили с женой куда-то за бугор и приобрели Мадонну с младенцем. Вытянутые к вискам миндалевидные, напоённые печалью глаза, высокий лоб, прозрачная кожа, скорбная складка возле рта – одухотворённое, неземное, нездешнее лицо. И не лицо, а лик.

«Если бы не хромота, ни за что не была бы моей». Эта правда вдруг со всей ясностью открылась Фанису, и он не успел защититься от неё, отогнать от прочь себя.

– Я тебя любил! – выкрикнул он. – Всегда! Даже если и

было... Ну, было и было. И прошло. Бывает такое? У всех бывает! Ты и сама поняла, что это так... игрушки. Потому и смолчала, так?

Аида усмехнулась и не ответила.

– Та-а-ак! – сказал за неё Фанис, и собственный голос показался ему тонким и жалостным. – Мы с тобой хорошо жили! Я – всё в дом. Не пью, получаю прилично, не попрекал тебя никогда, хотя... сама знаешь...

– Знаю, – произнесла она и опять усмехнулась непонятной своей усмешкой. Крошечная морщинка тенью пролегла между бровей.

... На прошлой неделе они принимали гостей: приехала из Елабуги старшая сестра Фаниса с мужем. Поздно вечером Аида тихонько вышла на темную кухню: вспомнила, что забыла убрать в холодильник мясо по-французски. Фанис с Розой курили на балконе, увлеченно беседовали о чём-то и не заметили её появления. Услышав свое имя, Аида застыла со сковородой в руках. Роза мягким сочувствующим голоском рассуждала о нелегкой Фанисовой доле: легко ли постоянно ловить косые взгляды, муж должен гордиться женой, а не стесняться ее. Да и детей у них нет – а ведь сколько уж живут. Не иначе с Аидой и «по-женски» не всё в порядке!.. Фанис молчал. Аида стояла и ждала, что же он ответит – ждала так, будто от его ответа зависела вся её жизнь. Фанис горестно вздохнул и печально произнес, что вынужден

терпеть, раз взял на себя ответственность, и что у каждого свой крест. Он продолжал говорить еще какие-то слова в том же духе, но это было уже совсем не важно. Аида бесшумно поставила сковороду обратно на стол и вышла из кухни...

Фанис ничего не заметил, он нёсся дальше. Схватил из салфетницы клетчатую бумажную салфетку и принялся истоково сворачивать.

– Вот видишь, жили мы (загнул уголок), можно сказать, на зависть. А теперь ты берёшь и (загнул второй) портишь. Ты, может, отомстить мне решила? Проверить, как яотреагирую? Угадал? – он помахал перед Аидиным лицом свёрнутым маленьким треугольничком, скомкал его и бросил в раковину. Не попал. Бумажный клубок отскочил и упал на пол.

Она спокойно следила за его манипуляциями. Чуть приподняла брови и ответила:

– Что за ерунда. Никакая это не проверка. И мстить я не собираюсь. Не за что. Не так уж сильно я тогда страдала, чтобы два года заряд в себе носить и выстрелить.

– Что это значит – «не сильно страдала»? – ошарашено спросил Фанис.

Хотя ясно понимал, что именно. Знал, что речи нет о мести и проверках. Но всё равно порол какую-то чушь – заваливал, забрасывал неизбежное словами. Как будто можно было похоронить под ними, спрятать то, что его ждало.

– Ладно, но... Я же тебя любил... Люблю то есть... –

Это прозвучало по-детски, и Фанису стало неловко: зачем он цепляется за жену? Захотелось сказать что-то резкое, грубое, обидное. Задеть её, чтобы тоже покраснела, смутилась, занервничала, а может, и заплакала. Но вместо этого он потерянно произнёс:

– Раз ты говоришь, что любовника нет, зачем тогда...

– Любовника нет, – подтвердила она, глядя на него не то с сочувствием, не то с досадой, – мы друг до друга пальцем не дотронулись. И поговорили... о нас... всего один раз. Вчера.

– Вчера! Нет, вы видели? Вчера! А сегодня она решила меня бросить! – с глупым, неуместным ехидством выговорил Фанис. – Ты, знаешь ли, или полная дура, или меня дуррачишь, или уж я не знаю!

– Конечно, не знаешь. Только это ничего не меняет. Всё равно ничего у нас с тобой больше не будет.

Окончателность, бесповоротность этой фразы заставила его снова ринуться в атаку. Он всегда так: чем сильнее его старались отбросить, тем крепче цеплялся. В учёбе и работе это помогало, называлось упорством, целеустремленностью.

– Кто он такой? Этот твой «человек»? – громко и сварливо спросил Фанис.

– Врач. Хирург из нашего отделения, – коротко ответила Аида.

– Ага! Коллега, значит! Стало быть, завели слу... – он хотел было пройтись насчёт служебно-романтических отношений, но вовремя вспомнил про Таточку и осёкся. Кашлянул

и договорил: – И что? Давно это у вас началось?

Она сделала вид, что не заметила заминки.

– Я уже объяснила, ничего не «начиналось». Работали вместе четыре года. А вчера он подошёл и сказал, что ему предложили место в одной клинике, в Тюмени. Спросил, не поеду ли я с ним. В качестве его жены.

– Вот борзота! А ничего, что ты замужем? Он что, не знал?

– Знал, конечно. Поэтому и не подходил раньше. Сказал, если ему не на что надеяться, уедет. – Её лицо слегка порозовело.

– И вот ты... – задохнулся от негодования Фанис, – после одного только разговора.... Пальчиком поманили, и ты, как шалава последняя, побежала? Декабристкой себя возомнила?

Она пристально, тяжело посмотрела на него и сказала, медленно роняя слова:

– Не надо этого, Фанис. Прошу тебя. Ты пойми, даже если у нас с ним ничего не выйдет... Не смогу я с тобой больше...

– Не сможет она! – его внезапно прорвало. – А вот я с тобой как-то мог! Мне все кругом говорили, мать предупреждала: не женись! Зачем она тебе – больная? Многим ты нужна была? А я взял тебя! Пожалел! Против матери пошёл! И вот она, благодарность!

Аида ещё сильнее побледнела, закаменела лицом. «Сейчас заплачет!» – со злой радостью подумал Фанис. Но ошибся. Она не заплакала. Посидела так несколько мгновений, а

потом сказала:

– Ты прав, мало кто на такой, как я, женился бы. Только знаешь что? Ты ни на день не давал мне забыть о своём благородстве и моём...изъяне. Не меня любил, а свой подвиг, самоотверженность свою! Так сильно любил, что мне порой до смерти тошно было!

– Как ты... Я же... я делал вид, что ничего особенного...

– Точнее не скажешь, – перебила она, – ты делал вид. А он в самом деле не замечает.

– Такое не заметишь, – пробурчал Фанис.

– Зачем уж так-то опускаться? – укоризненно сказала Аида.

– Ты зато сильно поднялась!

Он отчётливо понял: Аида уйдёт. Ещё немного – и исчезнет навсегда из его жизни. Формальности не помешают: они не расписаны. Сошлись и всё. Он знал, что они, скорее всего, больше не увидятся, и не мог по-хорошему отпустить её. Было страшно остаться одному, и хотелось наказать её за это, поскорее вылить из себя то, что klokотало в нём мутной жижей.

– Да я сам давно собирался тебя вышвырнуть отсюда, только совести не хватало! Куда, думаю, денется, инвалидка? Вот и терпел! Почему, думаешь, я с тобой отдыхать не ездил? И не ходили мы никуда? Стыдно было! Приятно, что ли, по улице идти, когда все оглядываются? Шепчутся за спиной?

Это была неправда, не ездили и не ходили потому, что

ему всегда было жалко впустую тратить деньги, но в данную минуту это не имело значения.

– Вот ты считаешь, это у вас надолго! Вот тебе, видала? – Он размашистым жестом сунул ей в лицо сложенные кукишем толстые пальцы. Аида отшатнулась. Фанису стало легче, когда он увидел испуг и боль в её глазах. – Пускай разок пройдёт с тобой – в театр или ещё куда! Попробует! Тогда и скажешь, замечает или нет! Пусть попробует, проживёт с уродкой!

После он ещё долго говорил что-то, выхаркивал горькие, жалящие слова и видел, что больше уже ничем не может задеть Аиду. Все равно как собака на короткой цепи лает, захлебывается слюной, бросается вперед, задыхаясь от беспомощной злобы. Может, и страшно, да только не обидно.

Опомнился, когда услышал хлопок: закрылась входная дверь. Не нарочито, не со страстью и гневом, а просто – мягко защелкнулся английский замок, и они очутились по разные стороны.

Фанису показалось, что больше он ничего никогда не сумеет проговорить – внутри словно высохло. Однако зазвонил телефон, и он послушно дёрнулся в сторону аппарата, снял трубку, бросил своё всегдашнее:

– Алё, слушаю!

Звонила мать. Напоминала, что пора съездить к тётке, долго и обстоятельно говорила что-то про необходимость установить счетчики на воду, произносила ещё какие-то,

несомненно, правильные и практичные вещи. Он терпеливо внимал, но слова матери словно произносились ею в другом звуковом диапазоне и не были доступны его слуху. Правая рука затекла, и он переложил трубку в левую.

– ... тебе говорю? Слышишь или нет? Я с кем разговариваю? Фанис? – прорвался сквозь неведомые преграды материнский голос.

– Аида от меня ушла, – почти прошептал он, неожиданно для себя облекая в слова мысль, которая билась и билась изнутри о его черепную коробку, вызывая тупую, вязкую боль.

Сказал – и опустил трубку, разразившуюся воплями и стеланиями, на стеклянный телефонный столик. Знал, что скажет мать – он и сам говорил все это какое-то время назад. Вышел на балкон и тяжело облокотился на низкую ажурную решетку. «Может, прыгнуть?» Мысль была идиотская: квартира находилась на втором этаже. Если он и сиганет, то, скорее всего, просто переломает ноги. Станет хромать, как Аида. Издевательство какое-то. Фарс.

Фанис впервые пожалел, что живёт так низко, так близко к земле. Стоило бы прыгнуть, но слишком коротким окажется полёт. Не хватит времени, чтобы испугаться и в страхе позабыть нелепую ситуацию, тягостный, бездарный финал. Сердце не успеет разорваться, и вся эта муть так и застрянет в нём, тёмным пластом ляжет на самое дно.

Он стоял, вцепившись в перила, и напряженно смотрел перед собой. Во дворе чинно сидели на лавках бабушки-пен-

сионерки, играли на детской площадке дети: качались на качелях, возились в песочнице, скатывались с ярких пластиковых горок. Маленький мальчик в красной панамке и коротких джинсовых штанишках подкидывал ввысь полосатый мяч и силился его поймать. Упрямый мяч не давался в руки, падал на землю, катился прочь. Малыш бежал за ним, догонял, сжимал пухлыми ручонками и снова бросал и бросал...

Может, у Аиды с этим её «человеком», преломившим их жизнь, тоже будут дети, подумалось Фанису. Как-то странно подумалось: тихо, без гнева. Глазам стало горячо, и все вокруг помутнело, сделалось расплывчатым и туманным.

– Улым! Фанис! Ты что делаешь, улым! Убьёшься! – надрывно закричала какая-то женщина.

Фанис вздрогнул и увидел, что по двору, размахивая руками, бежит мать. Она жила неподалёку и, видимо, прибежала на помощь. Большое тело её колыхалось, волосы растрепались, лицо покраснело, юбка съехала набок. Грузная, одышливая, она с трудом переводила дыхание, но не сбавляла шага, не желала останавливаться.

Сейчас добежит до подъезда, взберется по лестнице, откроет дверь своим ключом, топая, как боевой слон, ворвется в комнату и примется голосить «а ведь я тебе говорила!» и «я знала, что этим всё и кончится». Потом ринется к аптечке, начнёт рыться в ней, судорожно перебирая обильно окольцованными пальцами тюбики, пузырьки и флаконы, накапает себе пахучих «успокоительных» капель. Потом усядется

рядом со стаканом в руке, станет рыдать и убеждать своего «улымчика» как ему повезло, что вовремя избавился от «этой шайтанки»...

– Нельзя там стоять! Упадешь! – не унималась мать и почему-то вдруг свернула на детскую площадку.

Фанис удивленно моргнул и тут, наконец, заметил, что полная женщина – вовсе не его мать. Она подскочила к горке, на вершине которой стоял карапуз в зеленой панамке, и попыталась стащить ребенка вниз. Тот брыкался и возмущенно вопил, крепко вцепившись в перильца.

Фанису внезапно тоже захотелось закричать, заорать на весь двор, на весь мир – огромный мир, которому нет никакого дела до его перевернутой жизни. Но сил хватило только слабо махнуть рукой, повернуться спиной к лету, двору, небу, детям на площадке и скрыться в пустой квартире.

Часть 2

*«Старости нужно очень немного, но это
немного нужно очень и очень...»
(Маргарет Уиллур)*

Старик

– И что мне теперь прикажете делать?! Вы хоть понимаете своей безмозглой башкой, что я в эти чёртовы метры все свои деньги вбухал? Мог какую угодно квартиру взять! Так нет же! Дёрнуло меня связаться с вами, чтобы вы мне подсуетили эту! Да вы знаете, кто вы? Да вы... вы... – Поляков никак не мог подобрать слово, которое одновременно выражало бы крайнюю степень тупости и одновременно – коварства и замолчал, словно поперхнувшись. Раздражённо махнул рукой и чуть тише брезгливо выплюнул:

– Риелторша...

Поляков широко шагнул в сторону раскрытого окна. На секунду Кате Белоноговой показалось, что он собирается взобраться на подоконник и кинуться вниз с шестого этажа. Но Поляков только полуутвердительно буркнул:

– Закурю, – и, не дожидаясь Катиного разрешения, достал из нагрудного кармана пачку сигарет.

Вот уже третью неделю стояла изматывающая, одуряющая жара: ни ветерка, ни дождинок. Солнечный свет жидким золотом заливал кабинет, пожухший цветок в большом глиняном горшке (Катя вечно забывала его название) выгорел и скорбно поник.

Поляков судорожно затягивался и прилежно выдувал седые клочья в сторону окна. Толку от его стараний не было никакого: в комнате повисло сизое вонючее облако, и в горле у Кати немедленно запершило. Но кашлять она не решалась, чтобы не нервировать и без того разозлённого клиента. Сидела на неудобном стуле и давилась дымом, затравленно глядя на Полякова.

Офис был тесный: еле-еле умещались два стола, железный сейф, этажерка да вешалка. На стене висела карта – аляповатое пятно на фоне тускло-жёлтых обоев. До риелторского агентства в этой комнате располагалась туристическая фирма. Компания разорилась, менеджеры разбежались кто куда, а карта осталась.

Катина начальница, Ксения Михайловна, которая сейчас отдыхала на Чёрном море, тоже внесла посильный вклад в оформление интерьера: гордо развесила на стенах свои дипломы и грамоты, а ещё пришила кнопкой стихотворение:

Не зли других и сам не злись,
Мы гости в этом бренном мире,

А если что не так – смиришь,
Будь поумнее, улыбнись,
Холодной думай головою,
Ведь в этом мире всё закономерно,
Всё излученное тобою,
К тебе вернётся непременно.

Поляков щелчком выбросил сигарету в окно, мазнул взглядом по рифмованным строчкам, рывком придвинул к себе стул, уселся и воззрился на Белоногову. Судя по всему, смириться, как рекомендовал Омар Хайям, он не желал. Экзекуция продолжалась.

Эх, была бы здесь Ксения Михайловна! Может, что и придумала бы... Но начальница решила, что пару недель агентство вполне может обойтись и без неё и укатила в отпуск. Алина и Эмма – другие риелторы – отлично справлялись и без хозяйского присмотра. Время от времени появлялись в офисе, куда-то названивали, лязгали дверцей сейфа, шуршали бумагами, деловито пощёлкивали компьютерной мышкой, сосредоточенно глядя в монитор. Иногда вместе с ними приходили клиенты – серьёзные граждане с напряженными озабоченными лицами.

Кате раньше не приходилось самостоятельно заключать сделок. Будучи новичком, она выполняла в основном секретарские обязанности. Владимир Поляков был первым клиентом, которого доверила ей Ксения Михайловна. Сложностей не предвиделось: у клиента имелись на руках наличные,

и он желал подобрать себе хорошую «трёшку».

Катя взялась за дело с энтузиазмом, который присущ только новообращенным. Покупка трёхкомнатной ленинградки обещала стать сделкой века и её пропуском в мир недвижимости. Да и сам клиент, Владимир Ильич Поляков... Хороший человек. О большем девушка думать себе запрещала. Пусть уж будет просто – хороший человек, которого нельзя подвести.

Старательная Катя шерстила от корки до корки газеты с предложениями жилья, моталась с Поляковым по так называемым просмотрам, тщательно, до рези в глазах, изучала документы, неделю перед сделкой не спала от волнения. Квартира, которую в итоге выбрал Поляков, была именно такая, какую тот заказывал: хороший район, зелёный двор, кирпичный дом, средний этаж, окна на солнечную сторону, свежий ремонт – заезжай и живи.

В документах намётанный взгляд Ксении Михайловны не обнаружил никакого подвоха, и она благословила Белоногову на сделку. Прошёл месяц. Катя гордилась собой, втайне надеясь, что когда-нибудь они с Поляковым снова встретятся. В жизни ведь всякое бывает, правда?

У неё появился ещё один клиент: она оформляла ему наследство. До сегодняшнего утра Кате казалось, что жизнь удалась. А утром на пороге возник разъярённый Поляков. Вот и свиделись.

– Ну, и что будем делать?

Катя покраснела, покусывая нижнюю губу (дурацкая привычка, от которой никак не получалось избавиться!), хотела что-то сказать, запнулась, посмотрела на Полякова и покраснела ещё сильнее.

Ему был тридцать один год: на шесть лет старше Кати. Не такая уж огромная разница, однако она всегда чувствовала себя в его присутствии глупым неуклюжим подростком.

В этом человеке было то, что Катина мама именovala «сильной энергетикой»: как только Поляков появлялся где-либо, он сразу умудрялся замкнуть на себя всеобщее внимание, занять собою всё пространство. Поляков напоминал сказочного русского витязя, какими их любят изображать в детских книжках: золотоволосый, голубоглазый, широкоплечий и бородатый гигант. Неким диссонансом былинной внешности выступали очки в золотой оправе и изящные кисти рук с тонкими пальцами и овальными ногтями, похожими на фасолины.

Катя про себя именovala его Викингом и с тоской думала, что рядом с таким мужчиной непременно должна находиться какая-нибудь валькирия («И что меня всё на скандинавщину-то тянет?!») Сама Катя на роль девы-воительницы совершенно не подходила: маленькая, тонкокостная, бледная до прозрачности, с тихим голосом, огромными светло-серыми глазами и пушистыми русыми волосами. Не было в ней ни величественности, ни уверенности, ни харизмы, ни стати, ни убедительных форм, ни яркого темперамента. Не вальки-

рия, а Снегурочка.

– Вы вообще-то давно этим занимаетесь? В смысле, недвижимостью? Учились где-нибудь? – осведомился Викинг.

– Я курсы риелторов окончила. Здесь четыре месяца работаю. То есть, скоро будет четыре, – Катя пыталась говорить с достоинством, но получалось плохо. Слишком сильно дрожал голос. Ладони моментально стали влажными.

– Ну-у, что и говорить, опыт огромный, – издевательски проговорил Поляков.

– Послушайте, Владимир Ильич, я же вам уже говорила...

– А по образованию кто? Вы же, судя по всему, в институте каком-нибудь учились? – недослушав, перебил Поляков.

– Но при чем здесь... Вообще-то я педагогический окончила. Естественно-географический факультет.

– Ну, естественно, географический! Какой же ещё? – пробормотал Поляков. – И что же вам в школе-то не работалось? Зачем сюда сбежали?

– Я работала! – принялась зачем-то оправдываться Катя. – Два года. Но у меня плохо получалось... с дисциплиной. То есть не у меня плохо с дисциплиной, а у класса. Меня ученики не слушались, – торопливо говорила она и с ужасом думала: «Господи, что я плету?! Для чего ему всё это рассказываю?!».

– Ученики, значит, вас не слушались. И тогда вы решили квартирным вопросом людям жизнь портить! – Видно было,

что Поляков шутит. Кате бы радоваться, что буря миновала, но его подколы неожиданно сильно её задели, и она горячо заговорила:

– Зачем же вы так, Владимир Ильич? Я так старалась, квартиру эту вам как себе выбирала! И она хорошая, просто даже отличная! Разве нет? Вы мне сами говорили, что всегда о такой мечтали. И вид из окна вам нравился, и... И документы там чистые! А то, что прежние жильцы не сразу выписались, так это обычная практика...

– А уж по части обширной практики вам, Катя Белоногова, равных нет! – с тихой иронией подхватил Поляков.

– Владимир Ильич, ну, перестаньте, пожалуйста! Я-то, конечно, ещё мало в этой области работаю, но Ксения Михайловна, это наш директор, она тоже сказала, что так почти всегда бывает. Люди выписываются из проданной квартиры в течение месяца. Это нормально!

– А то, что они родственников своих престарелых там забывают, это тоже нормально? По мнению вашей глубокоуважаемой Ксении Михайловны,? – свистящим шёпотом поинтересовался Поляков, снова начиная заводится.

– Это ненормально, – обреченно выдохнула Катя. – Но я никак не могла предвидеть, Владимир Ильич!.. Откуда мне было знать, что так получится? Думаете, я нарочно это устроила?

– Ничего я не думаю. Просто хочу знать, что мне теперь делать?

– Вы можете обратиться в суд, – робко ответила Катя. – Вы же собственник. Его выпишут в принудительном порядке.

– Ладно. – Поляков поднялся со стула и устало вздохнул. – Пойду, пожалуй.

– Всего доброго, Владимир Ильич, – пискнула Катя, – звоните, если что.

– Если – что? Вы намекаете, может выплыть ещё что-то? – усмехнулся Поляков.

– Нет-нет! – испугалась Катя. – Я имела в виду... просто, ну, мало ли... На всякий случай.

Катя смешалась и опять мучительно покраснела, злясь на себя за косноязычие. А ещё за свою неловкость, непрофессионализм, неумение остроумной рассыпчатой скороговоркой общаться с людьми – и прочие, прочие «не». Поляков внимательно посмотрел на неё и вышел, не сказав больше ни слова.

С его уходом Катя должна была ощутить радость и облегчение: оставил-таки в покое, мучитель окаянный. Но когда дверь за Поляковым с глухим стуком закрылась и стало ясно, что больше он её никогда не откроет, Катя почувствовала себя так, словно её ограбили. Нет, даже не так. Как будто убили.

Через пятнадцать минут Поляков был уже далеко от улицы, на которой располагался офис риелторской фирмы. Не переставая следить за дорогой, он набирал номер своего школьного друга Витьки Шахова. Витька был юристом. При-

чем, судя по одежде, телефону и марке машины, весьма успешным.

– Слушаю, Шахов, – отозвался Витька.

– Привет, Виктор, – с ударением на второй слог произнес Поляков.

– А, здорово, Ленин! – Шахов до сих пор называл друга детским прозвищем. Оба они принадлежали к тому поколению, которое помнило имя и отчество вождя революции. Да и вообще знало, кто это такой.

– Слушай, у меня тут проблемка возникла.

– Что такое?

– Короче, в квартире, которую я купил, оказался прописан человек...

– Не страшно, – вклинился Шахов, – выпишется в тридцатидневный срок, никуда не денется. Это нормальная практика.

– И этот туда же, со своей практикой, – досадливо поморщился Поляков, выкручивая руль влево. – Ты дослушай сначала.

– Слушаю, слушаю, извини.

– Там были прописаны трое – отец, дочь и дед. Отец с дочерью выписались, а старик – нет. Они уехали в другой город. В Нижний Новгород. Квартиру там купили. А деда своего здесь оставили!

– Прямо «Вишневый сад» какой-то, – хмыкнул Шахов.

– Что? – Поляков был не слишком силен в литературе.

– Ничего, это я так. Продолжай.

– Так вот. Мы с этим Максимом вчера встретились в городе, как договаривались. Он, сволочь, ключи мне передал. Мы говорит, всё вывезли, с прописки снялись, уезжаем. Про деда молчит! Я, дурак, ещё поблагодарил, счастливого пути им пожелал! И на работу поехал – у меня объект горит. Вечером только до дома добрался. Иду – смотрю, свет горит. Думаю, может, забыли. Захожу – а там дед в кровати лежит! Что, говорю, за дела? Вы почему здесь? Почему не съехали? Он мямлит что-то про сердечный приступ, я в домоуправление... или как там это называется... Закрыто уже. В общем, к Ольге поехал. Я же у неё пока, ты знаешь. Утром опять в контору эту – они мне выписку дают. Дед в прописке сидит! Эти двое уродов сами выписались, а его не выписали. И не взяли с собой. Оставили. Как чемодан!

– Да-а-а, – протянул Витька. – Дела, делишки...

– Что теперь делать-то? Мне эта свиристелка в риелторском агентстве говорит, можно в суд подать, выписать его.

– В суд подать можно, если сам не выписывается, – подтвердил Шахов. – Но если он там заявит, что идти ему некуда, жилья нет, а сам он больной, после приступа, так его могут оставить у тебя.

– Что?! – заорал Поляков.

– А ты думал! Наш суд – самый гуманный суд в мире. В таких случаях вообще-то, конечно, принудительно снимают с регистрации и выселяют. Неважно, есть, где жить или

нет. Квартира-то переходит другому лицу. Но! Женщинам с детьми и старикам как незащищенным категориям могут дать до года, чтобы найти место для проживания и регистрации.

– Сколько?! – опять закричал Поляков. – Год?! Да что они там, с ума посходили? У меня в квартире год будет болтаться какой-то старик? Я, между прочим, жениться собираюсь!

– Я тебе обрисовал реальную картину, – невозможно ответил Шахов. – Так что через суд... Слушай, ты с ним лучше поговори. По-хорошему так, душевно. Ты сумеешь. Денег, в крайнем случае, дай. Вполне возможно, у него родственники какие-то есть. Пусть туда выпишется и съедет.

– Вить, я тут подумал, может, в Нижний смотаться? Адрес, куда они выписались, у меня есть. В выписке. Мне дали.

Шахов засмеялся.

– Наивный ты человек, Ленин! А ещё вождь. Голову даю на отсечение, они паспортистке адрес от балды назвали. Если человек говорит, что в другой город переезжает, ему при выписке на слово верят, никаких документов не спрашивают. Так что этот козёл может с тем же успехом в Мурманске быть, а может и здесь остаться. Как ты его найдёшь без адреса? Разве что случайно встретишь. Они, скорее всего, сразу с дочерью решили, что в новую квартиру старика не возьмут.

– Вот твари! – выругался Поляков и, попрощавшись с Витькой, поехал к себе в офис. Работы по горло: в строительном бизнесе летом всегда дел невпроворот. А со стариком

он вечером поговорит. Может, утрясётся как-нибудь.

Но надеялся Поляков напрасно. Ничего не утряслось. Когда они с Ольгой приехали, старик лежал в кровати. Другой мебели, кроме этого уродливого железного монстра и старомодного шифоньера, набитого, по всей видимости, пожитками старика, не было. Прежние хозяева вывезли всё. В квартире было чисто, тихо и гулко. Только в самой дальней комнате кряхтел и ворочался, поскрипывая пружинистой сеткой, никому не нужный старик.

Поляков с Ольгой подошли к его кровати и сверху вниз посмотрели на непрощенного жильца.

– Добрый вечер, – прошамкал тот. На полу возле кровати стоял стакан. В стакане – вставная челюсть.

– Не сказал бы, что добрый, – отрубил Поляков. Он старался говорить грубо и жёстко, но сердце у него против воли сжалось.

Старику, казалось, было лет сто. На тонком хрящеватом носу криво сидели очки в старомодной металлической оправе. Он выглядел маленьким и жалким. Завозился, пытаясь приподняться, выпростал тощую руку, чтобы протянуть её Полякову и поздороваться, но болезненно сморщился и уронил голову, увенчанную снежно-белым младенческим пушком, обратно на подушку.

– Меня зовут Владимир Ильич. А вас? Простите, не запомнил.

– Я тоже Владимир, – представился старик, – Константи-

НОВИЧ.

– Как мило. Тезки, значит, – процедила Ольга, высокая, ненамного ниже Полякова, красивая тридцатилетняя брюнетка.

С Поляковым они встречались уже три года, и, наконец, тот решился сделать ей предложение. Он не мог внятно объяснить, почему медлил. У Ольги было всё: броская внешность, образование-воспитание, острый ум и сексапильность. Но Полякову, тем не менее, чего-то не хватало. В итоге, когда Ольга стала заговаривать о браке в ультимативной форме, он сказал, что купит жильё побольше, и тогда они поженятся. Не в её же съёмной квартирке им жить! И не в его «однушке».

Оформив покупку, Поляков решил жилищный вопрос и подписал свой брачный приговор. Перспектива женитьбы перестала быть далекой и призрачной, обретя чёткие очертания. Ольга была счастлива.

– Вы понимаете, Владимир Константинович, это теперь моя квартира! Я её купил. И вы не имеете права здесь находиться.

– Понимаю! Всё понимаю! Вы меня, ради бога, извините. Захворал некстати. Сердце прихватило. Мешаю вам. Это такое неудобство...

– Неудобство?! Что-то вы чересчур мягко выразились, любезнейший! – встряла Ольга. – Мы с моим мужем... будущим мужем собирались переехать сюда сегодня же. И как вы

представляете себе это? С какой стати мы должны терпеть ваше присутствие?

Владимир Константинович завздохал, суетливо закивал головой и торопливо заговорил, волнуясь и проглатывая слова. Он оправдывался и глядел на Ольгу слезящимися, выцветшими от старости голубыми глазами.

Поляков тоже смотрел на Ольгу. Та вдохновенно возмущалась и продолжала оттачивать на старике своё красноречие. Поляков вдруг подумал, какая же она злая! И голос, оказывается, такой неприятный – пронзительный, резкий. Как он раньше не замечал?

Неужели Ольге совсем не жалко несчастного старика? Человеку и так досталось: родной сын и внучка бросили! Ни к месту вспомнилась риелторша Катя. Она была полной противоположностью Ольге, и точно так же, как этот бездомный старик, испуганно и робко смотрела на него, когда он отчитывал её сегодня утром. Сердце сжалось ещё раз.

– Вы, наверное, голодный? – внезапно спросил Поляков.

Ольга подавилась последней фразой и яростно уставилась на Полякова.

– Нет, нет, что вы! Не беспокойтесь, пожалуйста, – задрезжал старик.

– Совсем с ума сошел? – угрожающе прошипела Ольга. – Прикармливать его будешь? Может, ещё и подгузник предложишь сменить?

– Я всего лишь спросил, не хочет ли он есть, – прохладно

ответил Поляков. – Это же живой человек. Он с кровати не встаёт второй день, а может, и больше. Ты хочешь, чтобы он с голоду помер?

– Да у меня и аппетита... – завёл опять старик. Но Ольга не дала ему договорить:

– Чего я хочу?! А я тебе скажу, Володенька, чего! – голос её поднялся до крика. – Хочу, чтобы ты перестал, в конце концов, мямлить, включил в себе мужика и разобрался со всем этим! Хочу, чтобы в нашей квартире не было посторонних! Хочу переехать сюда, как мы и собирались, и начать нормально жить!

– Оля...

– Что Оля? – резко перебила она. – Я уже скоро тридцать лет как Оля! И вообще, хватит публику развлекать!

Она выбежала из комнаты, громко стуча по полу высокими тонкими каблуками. Поляков пошел за ней. У входной двери Ольга остановилась, развернулась всем корпусом к Полякову и уже более спокойным тоном сказала:

– Короче, так, Поляков. Прекрати изображать из себя мать Терезу. Тебе не идёт. Скажи мне, что ты намерен делать?

– Ты же сама всё видишь, – устало проговорил он, – старик чуть не при смерти.

– И что? Будем сидеть и ждать, пока он подохнет? Или поправится и соизволит сходить выписаться? А если он не захочет? Тогда что? Ты в суд на него собираешься подавать

или нет?

Полякова покорило это её «подохнет», но он попытался подавить в себе растущее чувство раздражения и ответил:

– Видимо, придется подождать, пока поправится. Виктор говорит, в суд идти бесполезно. Потому что...

– Да знаю я, что Виктор говорит, – нетерпеливо отмахнулась Ольга. – Ты сам рассказывал. Но что-то ведь надо делать? Не оставлять же вот так! Он что, с нами будет жить?

– Оля, чего ты добиваешься? – Этот разговор всё сильнее действовал на нервы, и Поляков с трудом сдерживался. Неужели она не видит, насколько ему это неприятно? – Хочешь, чтобы я выгнал больного беспомощного старика на улицу? Это бы тебе понравилось? Тогда бы я, по-твоему, был больше похож на мужика?

– Не хами! – взвизгнула Ольга. – Надо же, какие мы совестливые! Сын родной от него, значит, смог отказаться, а ты, чужой человек, не можешь!

– Ты желаешь, чтобы я превратился в такую же скотину, как его сын? – сухо поинтересовался Поляков, неприязненно глядя на невесту. Ольгина красота вдруг показалась ему отталкивающей.

– Только не надо передергивать! – Она опомнилась, сбавила обороты и сменила тактику. Помолчав, заговорила чуть ли не умоляюще. – Володя, извини, я, кажется, погорячилась. Но и ты меня пойми. Мы с тобой столько лет вместе, решили пожениться, а этот... человек рушит все наши пла-

ны!

– Оля, мне кажется, мы с тобой в чём-то ошиблись. У нас вряд ли что-то получится, – эти слова сорвались с языка нечаянно, сами собой, будто помимо воли.

Ольга опешила. Пожалуй, впервые в жизни она стояла и не знала, что сказать. Поляков понимал, что говорит ужасные вещи, но ничего не мог с собой поделать.

– Прости меня, но...

– погоди, Володя. Ты что же – бросаешь меня? После стольких лет? – ошеломленно выдавила Ольга.

– Оля, ну мы же всё-таки не золотую свадьбу отметили и пятерых детей нажили, – Поляков старался говорить мягко, но Ольге показалось, что в этих словах прозвучала откровенная насмешка.

– Прекрати издеваться! – рывкнула она. – Сволочь! Мерзавец! Морочил мне голову, пользовался, а теперь... Да ты... Чтоб ты провалился вместе с этим старым уродом! И вообще я сама собиралась с тобой расстаться! Давно уже! Нужен ты мне! Неудачник!

Последние слова Ольга прокричала, уже выскакивая из квартиры. В её голосе звенели слезы, и Полякову стало стыдно. Но вместе с тем он ощущал себя свободным, лёгким, дерзким – каким не был уже давно. Настолько давно, что успел основательно подзабыть, каково это.

Ольга бежала вниз по лестнице, и эхо её шагов отскакивало от выкрашенных зелёной краской стен. Поляков постоял

пару минут, потом вздохнул и закрыл дверь.

Через два часа он сидел на краешке кровати Владимира Константиновича. Больше сидеть в квартире было не на чем. Разве что на полу.

Они поужинали: Поляков притащил целую сумку всякой всячины. В соседнем супермаркете купил сковородку, кастрюлю, чайник, посуду. Он привык жить один, и домашняя работа его не тяготила. Споро настрогал бутербродов, пожарил всенепременную яичницу, заварил чаю. Старик несмело попросил налить ему некрепкий.

– Как же это вас родной сын так... подставил? – спросил Поляков.

– Максим мне не сын, – пояснил старик, – он зять. Дочкин муж.

– То-то я ещё думал, почему у вас с ним фамилии разные... А дочь тогда где?

– Умерла. Десять лет назад. Под машину попала. – Чашка в руке старика слегка дрогнула, он немного помолчал и продолжил. – Максим долго не женился, мы с ним вдвоем Машеньку растили. Ей семь лет было, когда Наташа погибла. А год назад Максим с женщиной познакомился. Хорошая женщина, хозяйственная. Галиной зовут. Пожениться решили. Эту квартиру и её двухкомнатную продать, и дом купить. За городом.

Ага, усмехнулся про себя Поляков, дом, стало быть, хотим купить. Вот тебе, Владимир Ильич, и Нижний Новгород!

Прозорливый Шахов оказался прав.

– Ещё чаю? – предложил Поляков.

Владимир Константинович поблагодарил и отказался. Поляков забрал у старика пустую чашку и отнёс на кухню.

– А эта квартира что, не ваша? Зятя? – спросил он, снова вернувшись в комнату.

– Мы с Наташей свою-то продали, Максим денег добавил, купили эту. На Максима записали.

– Ясно. На Максима, значит. А вы, вроде как, ни при чём. Старик промолчал.

– Слушайте, а вы знали, что родственнички не собирались брать вас в новый дом? Только честно – знали или нет?

Старик опять ничего не ответил, избегая смотреть на Полякова.

– Понятно. Выходит, знали.

– Услышал случайно, как Галя с Максимом на кухне говорили, – тихо проговорил Владимир Константинович, – ссорились. Она ему: я, говорит, с чужим стариком жить не буду! Убирать за ним, портки его стирать. Ладно бы, за отцом твоим ходить, а этот мне кто? И тебе?

– А он?

– А что он? Устал он один. Его тоже понять надо. Разве легко одному ребёнку растить? Галя условие поставила: или тесть твой, или я. Максим уж больно мучился!

– Бедный, – не удержался Поляков. Но старик издёвки не заметил.

– Худо ему было, в глаза мне не мог смотреть. Ну, думаю, скажу я ему, стыдить начну. Ну, бросит его Галя. И что с ним будет? Машенька уже взрослая, первый курс отучилась. Она у нас хорошая девочка, но...

– И не жалко было Машеньке-то, «хорошей девочке», родного деда? – ядовито осведомился Поляков. Слушать про страдальца Максима и прекрасную Машу, которые, не моргнув глазом, отреклись от близкого человека, у него желания не было. Он хотел сказать ещё что-то в том же духе, но осёкся, увидев несчастное лицо старика.

– Вы извините меня, – спохватился Поляков, – лезу не в своё дело. Просто... что же вы о себе-то не подумали?

– Владимир Ильич, мне восемьдесят один год, в таком возрасте как-то глупо думать о своем удобстве, – слабо улыбнулся старик, – много ли мне осталось?

– Извините, – ещё раз сказал Поляков, который и в самом деле почему-то чувствовал себя виноватым. В горле застрял ком, дыхание перехватило. Он поднялся с жалобно скрипнувшей кровати и отошёл к окну.

– Что вы! Не извиняйтесь, – с жаром возразил Владимир Константинович, – это я перед вами кругом виноват. Вы из-за меня с невестой поссорились.

– Да бросьте. У нас давно не ладилось, – успокоил его Поляков, сам удивляясь своей черствости. Выбрался из изживших себя отношений, как змея из старой кожи, и рад. Права Ольга: наверное, он и в самом деле мерзавец и скотина.

– Ладно, не обо мне сейчас речь. – Он снова уселся на край кровати, снял очки и потёр глаза. – Родственники у вас есть где-нибудь? Где вы жить-то собираетесь? Я имею в виду, когда поправитесь?

– У меня в Нижнекамске сестра живёт, Анастасия, – после крошечной паузы проговорил Владимир Константинович, – к ней переберусь. Как на ноги встану, сразу выпишусь и съеду. Вы не беспокойтесь.

– С кем она живет?

– Ни с кем. Одна. Вдова она.

– Вы её хоть предупредили? Вдруг прогонит?

– Нет, что вы! Не прогонит. Настёна у меня хорошая, – глаза у старика увлажнились.

– Что ж, раз так... Поправляйтесь спокойно. И не сердитесь, что я так... кричал на вас, – неловко закончил Поляков, водружая очки на переносицу.

– Я и не сержусь. На вашем месте ещё не так бы возмущался! А вы очень хороший человек.

– Не уверен, – криво улыбнулся Поляков, – но всё равно спасибо.

Поляков подъезжал к Казани. Было три часа пополудни, дороги относительно свободные. Он четыре дня не был дома: уезжал по делам в Самару. Планировал вернуться завтра, но получилось освободиться пораньше. Поляков собирался заехать в свой любимый супермаркет домашней еды. Ему хо-

телось купить чак-чак и трёхслойный пирог с черносливом, лимоном и курагой. Дед уж больно любил.

Со дня переезда Полякова в новую квартиру прошло уже почти два месяца. Дед – так Поляков привык называть Владимира Константиновича – поднялся на ноги, оправился от приступа. Поначалу стеснялся, старался вести себя как можно тише и незаметнее, но постепенно освоился, разговорился, ожил. Всячески стараясь быть полезным, начал, несмотря на протесты Полякова, возиться по хозяйству и ходить по магазинам.

Они теперь вместе ужинали, смотрели телевизор, обсуждали новости, и Поляков порой удивлялся про себя точности дедовых оценок и уместности комментариев.

Поляков привык к самостоятельной, даже одинокой жизни, но присутствие Владимира Константиновича его, как ни странно, не раздражало. Незаметно для себя он сроднился с дедом. Обычно мало знакомые люди тяготятся вынужденным соседством друг друга, однако Полякову не было неловко в обществе старика. Вряд ли в этом имелась его личная заслуга: просто дед оказался на удивление деликатным человеком. В нём отсутствовали навязчивая словоохотливость и стремление поучать, часто свойственные пожилым людям. Дед не ныл, не жаловался на жизнь, не выпрашивал сочувствия и вёл себя со спокойным достоинством.

Ненормальную ситуацию, в которой оба оказались, больше не затрагивали. Когда примерно неделю назад дед сказал,

что сходил в домоуправление и выписался из квартиры, Поляков кивнул и попросил старика подождать с отъездом, пока он не вернётся из Самары. Пообещал помочь собраться и отвезти деда до дома сестры. Но настроение у него почему-то испортилось.

Позже, устраиваясь на ночь и слушая, как покашливает в соседней комнате дед, Поляков поймал себя на мысли, что будет скучать без него. Хотя вроде бы должен радоваться, что наконец-то останется один. Он заметил, что дед в последнее время тоже заметно скис, хотя старательно это скрывал. Конечно, легко ли в таком возрасте сняться с насиженного места и уехать в чужой город. Здесь-то всё знакомо: соседи, аптеки, продавцы в магазинах, врачи...

Сейчас, машинально следя за дорогой, Поляков в очередной раз задумался: а может, и не стоит деду никуда уезжать?.. С другой стороны, у него есть одинокая сестра – вот пусть и живут вместе. Дед ему даже не дальний родственник! Они просто случайно оказались на одной территории. А Полякову давно пора устроить личную жизнь. Но это суждение, логичное и правильное, никак не желало укорениться в сознании. На душе по-прежнему было мутно.

Ближе к пяти вечера Поляков шёл к своему подъезду, держа в каждой руке по два пакета из супермаркета. У одного из пакетов лопнула ручка, бутылка молока, упаковка ряженки и банка сгущенки вывалились на землю.

– Тьфу ты, зараза, – сквозь зубы выругался Поляков. При-

сел на корточки и принялся собирать продукты.

– Дык давай, что ли, помогу, – раздался сбоку хриплый голос.

Поляков поднял голову и увидел Николая Егорыча, соседа с первого этажа. Несмотря на тёплую погоду, на нём была фланелевая клетчатая рубашка и тренировочные штаны с начесом. В углу рта торчала неизменная сигарета.

– Ничего, справлюсь, спасибо, – резковато бросил Поляков. Общаться ни с кем не хотелось.

– Ну, как хошь. Как Володька-то? Чё-то не видно его. Не захворал опять, нет?

– Да ничего вроде. К сестре собирается.

– Батюшки! К сестре! – Николай Егорыч поперхнулся и натужно закашлялся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.